

ПОЛИНА ЦАРЁВА

ЛЮБОВЬ
НЕЧАЯННО
ПРОХОДИТ

Неба

НАПРОКАТ

18+

Полина Царёва

Небо напрокат

«Автор»

2025

Царёва П. А.

Небо напрокат / П. А. Царёва — «Автор», 2025

В чем же все-таки смысл жизни?» — в какие-то моменты для любого человека этот вопрос перестает быть философским и требует решения. Сколько нужно пережить, сколько обрести и потерять, чтобы научиться не сдаваться? Чтобы понять, что ни любовь, ни ненависть не растворяются во Вселенной бесследно. Чтобы поверить, что счастливым можно стать везде и всегда, если только захотеть. Чтобы вопреки судьбе находить в себе силы начинать новую жизнь. Справится ли со всем этим героиня повести «Небо напрокат»?

© Царёва П. А., 2025

© Автор, 2025

Полина Царёва

Небо напрокат

Полина Царева
НЕБО НАПРОКАТ
НЕБЕСНАЯ СИМФОНИЯ C-MOLL

LARGO

1

Тогда мне было шестнадцать лет. Я жила с мамой, бабушкой (матерью моей мамы), двумя младшими братьями и пуделем Артемоном. Из этих пятерых любил меня только пудель. С Артюхой мы были закадычными друзьями. Каждое утро, ровно в шесть, он ставил лапы на мою кровать и начинал стягивать с меня одеяло. Я увертывалась, отбивалась как могла, но Артюха был непреклонен. Я вставала, приоткрыв один глаз, лениво натягивала штаны и выдавший виды свитер, а собака нетерпеливо переминалась с лапы на лапу, слегка дергая меня за штанину. Надев на Артюху поводок, я открывала дверь – он срывался как бешеный и тащил меня вниз по лестнице все восемь этажей.

Мы ходили по одной и той же дороге, наслаждаясь свежестью наступившего утра. Потом возвращались домой, где остальные еще мирно посапывали. Артюха благодарно смотрел на меня, ожидая на завтрак чего-нибудь вкусенького. Его кудряшки, черные, как смоль, и до боли милые глаза наполняли мое сердце неиссякаемой теплотой. Я легонько трепала его за длинные уши, и он в ответ ласково облизывал мои руки.

– Ну что, псина? Есть будем?

Артюха склонял голову набок и смотрел на меня недоуменно: ты чего глупые вопросы задаешь? Затем подбегал и клал морду на мои ноги. Это означало: «Поторопись, пожалуйста. Есть хочу!»

2

Я росла девушкой замкнутой и необщительной. Маму боялась, бабушку ненавидела, с братьями ссорилась. Отец, с которым мама рассталась до моего рождения, был закрытой темой в семье. С одноклассниками дружбы не складывалось – они обходили меня стороной. Я слыла белой вороной. В то время как сверстники учились курить за углом и пили водку в компаниях, я читала книги про Иисуса Христа и жития святых.

Мама никогда не понимала моих причуд и всем знакомым говорила, что я странный ребенок. В легком ситцевом халате и безупречно белой накрахмаленной косынке она умудрялась выглядеть пугающе: ее зеленые строгие глаза за очками казались устрашающими. Я боялась этого взгляда и, когда мама злилась, забивалась в угол, закрывая голову руками.

Училась я неплохо, без троек. Не потому, что у меня была тяга к учебе, просто я безумно боялась материнской ругани и бабукиных криков.

Однажды за одну неделю я умудрилась получить три двойки по немецкому языку. Случай из ряда вон выходящий. Учительница потребовала подпись родителей. Я возвращалась домой, и мои зубы стучали от страха. Я знала, что меня ждет расправа. Но мама, на удивление, отреагировала спокойно. «Ну ничего себе!» – устало пробормотала она и покорно расписалась в моем дневнике. Я мгновенно дематериализовалась из комнаты, не веря своему счастью.

С бабушкой отношения были еще сложнее. Эта грузная пожилая женщина в косынке и в больших, в пол-лица очках, всегда с вышивкой или с вязанием в руках, внешне производила впечатление доброй старушки. Быть может, для других она таковой и являлась, но только

не для меня. За что она меня ненавидела, я так и не узнала, но со временем наша взаимная неприязнь только росла. Какими же гадкими для меня были дни, когда мама уходила на дежурство ровно на сутки, а я оставалась с бабушкой и братьями! Мальчишки бабушку не слушались, она на них кричала противным визгливым голосом и лишь изредка бросала на меня косые, полные злобы взгляды.

Как-то она сказала:

– Мне очень хочется зарезать тебя! – и указала на самый большой и острый нож.

С тех пор я старалась не показываться ей на глаза без надобности. Я боялась. Безумно боялась. Но пожаловаться матери тоже не могла, поскольку была убеждена, что она мне не поверит.

Мой средний брат Святозар был любимчиком матери и бабушки. Я сильно ревновала к нему мать, а она даже не пыталась меня успокоить или разубедить в обратном. Она просто не обращала на меня никакого внимания. Вечером, когда мы укладывались спать, она подходила к Святозару, поглаживала его по голове и тихо, вполголоса о чем-то ему рассказывала. В такие минуты я готова была убить Святозара, или Святика, как его все называли. Может, именно по этой причине мы в детстве постоянно с ним ссорились и дрались? Он тут же бежал жаловаться на меня матери с бабушкой, и они всегда вставали на его сторону, а меня наказывали, ставя в угол. Святик ликовал. Пробегая мимо меня, показывал язык и называл дурой.

– Сам дурак! – вопила я.

Мы с ним были очень разными: я – медлительная, замкнутая, он – чрезмерно общительный и энергичный.

С младшим братом Гошей мы жили дружнее. Но бывало всякое. Дети жестоки. Как-то однажды я его с улицы затащила в подъезд и побила за то, что он не хотел идти домой. Теперь, вспоминая этот случай, недоумеваю: откуда во мне, забитой и скромной девочке, временами появлялась безумная агрессия, граничащая с хладнокровной жестокостью?

В детстве Гоша был некрасивым: рыжим, толстым и конопатым. Но со временем он превратился в галантного юношу с пшеничными волнистыми волосами и голубыми, как небо, глазами.

Жили мы бедно, и еды в доме чаще всего было шаром покати. Мама разрывалась между работами, бабушка занималась мальчишками. Но все же предпочтение было Святнику. С чем была связана эта безумная любовь бабушки к внуку, я не знаю. Но она никогда не стеснялась все самое хорошее и вкусное отдавать ему. Меня это возмущало, но высказывать недовольство я не смела, поэтому все обиды, всю боль прятала в своем сердце.

Иногда в нашем доме появлялся еще один персонаж. Правда, на мое счастье, это происходило редко и ненадолго — на два-три дня в гости к нам приезжал мамин брат. Его звали Денис. Перед его приездом дом всегда оживал: производилась генеральная уборка, стряпалась уйма пельменей и пеклось несколько тазиков булочек. Денис был младше матери на девять лет, и она воспринимала его не как брата, а как родного ребенка. Она так и говорила:

– Я его вырастила!

Я и мальчишки звали дядю Дениса просто Дэн. Худощавый, с длинным, как у ворона, носом и маленькими ехидными глазками, он всегда заставлял меня сжиматься в комок и чувствовать себя неловко. Его излюбленной темой был мой лишний вес.

– Корова! Надо тебя посадить на черный хлеб и воду! – со смаком растягивая слова, обращался он ко мне.

От этих слов я съеживалась еще сильнее. В такие минуты я себя ненавидела. Стыд, вина, неприязнь к себе успешно накапливались в моем неокрепшем сознании. Прошло очень много лет, прежде чем я смогла расстаться с этими жуткими установками, вложенными мне в нежном возрасте.

Но все эти оскорбления и унижения летели не только в мою сторону. Не состоявшийся как великая личность Дэн самоутверждался, отыгрываясь на нашей семье.

Моей маме за ее любовь, самопожертвование, нежность Дэн говорил, что она неумеха, не забывая при этом уплетать пельмени, сделанные ее руками. Бабке ни разу не привез даже плитки шоколада. Через несколько лет, когда бабушка умерла, он не соизволил не то что приехать на похороны, но хотя бы выслать денег. Он вообще сделал вид, что это его не касается! Все заботы и хлопоты по организации похорон свалились на «неумеху»-сестру.

К моему несказанному удивлению, гадкие поступки Дэна нисколько не влияли на всеобщую любовь родственников к нему. Из всех нас только я одна относилась к Дэну настороженно и отказывалась признавать его пупом земли. Конечно же, я этого не озвучивала, иначе не избежать бы мне анафемы. Высказав все то, что я о нем думаю, я бы покусилась на главную икону семьи, а именно так его все и воспринимали. Его считали чрезвычайно умным, безупречно воспитанным и образцово интеллигентным, и любая попытка это оспорить выглядела бы бунтом против всех.

Однажды мы всей семьей отправились на дачу. Я терпеть не могла там бывать, но послушаться и восстать против поездки не смела. Жара была тридцать пять градусов. Мы тащились длинной вереницей поливать грядки с помидорами. На мне был отдельный купальник и огромная, прикрывающая пол-лица шляпа. Я замыкала шествие, плетясь еле-еле и изнывая от зноя. Передо мной шел Дэн, и я невольно рассматривала его до ужаса худые и безобразно волосатые ноги. Словно почувствовав на себе мой пристальный взгляд, он обернулся, подошел вплотную и, окинув меня своим, как всегда, ехидным и наглым взглядом, спросил:

– Че такая толстая-то?!

И, несказанно довольный очередной удачной пакостью, зашагал быстро и легко, насвистывая незатейливый мотивчик.

Я стояла на проселочной дороге. Слезы подступили к горлу. Хотелось рыдать. Я себя ненавидела. Ведь я уродина! Гадкая, жирная корова! Но плакать в нашей семье тоже было не принято, и я, усилием воли удерживая подступившие к горлу рыдания, бросилась догонять скрывшуюся из виду вереницу ненавистной семьи.

3

Я предпочитала оставаться одна. Удобно устроившись в своей уютной кроватке, обняв большого плюшевого медведя, я уходила в мир фантазий и иллюзий. В мир, где не было зла, насилия, ругани, оскорблений, а торжествовала красота и любовь.

Однажды поздним вечером из этого сладостного состояния, из моего собственного мира меня вернули к реальности крики и плач матери. Я выбежала на ее голос. Перед ней стоял Святик, пьяный, невменяемый, с посоловевшими, едва видящими глазами, и пытался ей доказать, еле ворочая языком, что он «нормальный».

– Нормальный, да? Это ты называешь «нормальный»?

И она замахнулась на него ремнем. Но Святик ловко перехватил ремень и отобрал его у матери. Тогда она замахнулась рукой, видимо, собираясь его ударить. Испытывая панический ужас от этой сцены, я бросилась с воплем «Не надо!» и встала между ними. На удивление, это подействовало. Мама и Святик, не сговариваясь, молча разошлись по разным комнатам. Я осталась одна. Стояла, бессильно опустив голову, напуганная и возмущенная. Руки предательски тряслись, глаза застилала слезы, а сердце жгучей болью пронзала безысходность.

Я сделала несмелый шаг. Ноги не слушались. Держась рукой за стену, я сделала второй, третий шаг. И незаметно для себя оказалась на балконе. Роскошная ночь царила над городом. На меня дул прохладный ветерок. Я жадно глотнула воздух пересохшими от волнения губами и бессильно опустилась на порожек, прижавшись к балконному проему. Перед глазами рас-

кинулось небо. Оно было усеяно россыпями звезд. Я смотрела не отрываясь, и меня словно затягивало в пучину тайн и загадок ночного звездного царства.

– Как хорошо было бы оказаться на небе, с яркими звездами, – прошептала я. – Если бы я могла летать, я бы ни на миг здесь не осталась, я бы не задумываясь улетела к мерцающим звездам!

Вдруг небо мигнуло и пришло в движение. От неожиданности я вздрогнула и очнулась от магического действа. Не знаю, что произошло со мной, но в комнату я вернулась уверенная, что в те минуты, когда я смотрела на небо, мне открылось что-то важное, какое-то знание без слов. Что именно – я не понимала, но ощущение тайны и величия не покидало меня многие годы.

4

С этого дня я стала часто обращаться к Богу, просить у Него помощи и сил. И, как само собой разумеющееся, меня потянуло в храм. Иконы, запах ладана, пение хора – все это приводило меня в неописуемый трепет, до мурашек по коже, до слез радости и благодати. Каждый раз, входя в церковь, я, подобно птице феникс, возрождалась из пепла. Здесь не было криков, раздражения, зла, вечных проблем. Здесь была Любовь – Вездесущая и Всепрощающая. Я молилась сердцем. Это такое особенное состояние, когда слова молитвы пропускаешь через себя. И сердце бьется все сильнее и сильнее от той мощи и всеобъятности, которая охватывает невыразимо яркой волной. И ты шепчешь: «Господи! Господи! Боже мой, Боже!» Все заканчивается как наваждение, как сладкий сон. И только остается Вера. Вера в Бога, в себя, в людей. И жить хочется, и дарить тепло, и петь от счастья.

5

В музыкальном училище, куда я поступила, я занималась в классе педагога Вербицкой. Это была запредельно неординарная женщина. Все студенты называли ее чокнутой. И только мне она безумно нравилась (о чем я, правда, предпочитала помалкивать в кругу сокурсников). Она была высокого роста, с квадратной фигурой, грузная, плавная, спокойно-задумчивая. С неожиданным при таком облике звонким и высоким голосом. Рыжие волнистые волосы ниспадали до плеч, ярко-зеленые глаза подчеркивала простенькая, но аккуратная, такая же изумрудная, как глаза, кофточка. Она курила сигары и запивала их невероятным количеством крепкого черного кофе. Она могла часами смотреть в окно невидящим взглядом, не обращая никакого внимания на студентов. А могла сесть за рояль, заиграть Чайковского и горько заплакать, предаваясь каким-то своим особенным думам.

С Еленой Григорьевной Вербицкой у нас сразу возникла взаимная симпатия. Я не считала ее чокнутой, в отличие от большинства; ее странности меня всего лишь забавляли. Мне нравились ее доброта и способность тонко чувствовать мир.

Однажды я пришла к ней на очередной урок. Она, как это часто бывало, стояла у окна и курила сигару.

– Садись, разыгрывайся, – не поворачиваясь, сказала она.

Я села за рояль, но играть почему-то не хотелось. Я положила руки на клавиши и погрузилась в свои думы.

– Я тебя видела! – неожиданно зазвучал голос Елены Григорьевны.

– Где? – почему-то вздрогнув, спросила я.

– В храме.

– А Вы там тоже были? – задала я глупый вопрос.

– Я там пою в хоре, на клиросе. И тебе нужно петь, – помолчав, добавила она.

Больше в тот день мы этой темы не касались, но уже в следующее воскресенье я стояла на клиросе и с трепетом и благоговением пела: «Господи, поми-и-и-луй!»

Так в мою жизнь прочно вошла и утвердилась на главном месте Церковь. Я много молилась, соблюдала посты, причащалась и с великим желанием каждые субботу и воскресенье пела в хоре. Для меня теперь не существовало семейных разборок, криков: они проходили мимо, стороной. Так всегда бывает: когда отдаешь душу и сердце на благое дело, жизнь меняется до неузнаваемости.

– Артюха! Милый мой Артюха! Мне так хорошо! – трепала я свою любимую псину. – Я такая счастливая! Ты даже не представляешь, собака! – и я чмокала его в прохладный и мокрый носик. – У меня есть Церковь и ты, Артюха! А больше мне никого и не надо!

Артюха, радуясь, что я уделяю ему столько внимания, бегал вокруг и тыкался носом в мои руки и ноги, потом запрыгивал на кровать, ставил на меня лапы и пытался лизнуть в лицо. Я падала на спину, закрывая лицо руками, и смеялась, смеялась...

6

Наступил праздник Троицы. Я пришла в церковь пораньше: мне нравилось наблюдать сверху, с клироса, как собираются прихожане. Храм был усыпан цветами, горели свечи, и от всего этого великолепия у меня слегка кружилась голова.

Хор запел. Я прикрыла глаза. Сердце бешено билось. По телу разливалась приятная истома. Это было сродни единению с Господом Богом. Своим пением, своими мыслями и чувствами я возносилась к Нему. «Господи, услы-ы-ыши мя!» И Он меня слышал. Я верила. Я чувствовала. Я знала.

Когда служба закончилась, хористы быстро разошлись: каждый куда-то спешил. Мне торопиться было некуда. Хотелось продлить это состояние благоговения и блаженства. Я сложила руки на груди и закрыла глаза.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! – шептала я. – Господи! Господи! Господи!

Я находилась под куполом храма, и мне казалось, что здесь я ближе к Нему, здесь Он лучше меня слышит, здесь я под Его защитой.

Когда я спустилась вниз, в храме уже никого не было. Я постояла еще несколько минут, вдыхая цветочный аромат, и направилась к выходу.

– Не хочется уходить, правда? – услышала я позади звучный голос.

От неожиданности я вздрогнула и резко обернулась. Передо мной стоял отец Александр в ослепительно-белой рясе, серьезный и грозный. Небольшого роста, упитанный, он почему-то всегда ассоциировался у меня с футбольным мячом. Но, несмотря на лишний вес, во всех своих движениях был быстр и энергичен. Вплоть до кончиков своих черных волос, ниспадавших на его плечи причудливыми кудряшками. Я любила смотреть на эти кудри во время службы, когда отец Александр читал Евангелие, периодически резко потряхивая головой, отчего волосы взлетали в воздух и элегантно возвращались на плечи к своему хозяину.

Отец Александр не был красавцем. Маленькие зеленые глазки, имеющие обыкновение щуриться, уродливой формы очки, бесцветные пухлые губы, ярко и выразительно окаймленные длинной черной бородой. Иногда мне даже казалось, что он не священник, а чудище, явившееся из сказки.

Отца Александра любили. Он так искусно находил общий язык со служителями и прихожанами, с такой чуткостью внимал приходившим к нему на исповедь людям и проникался их проблемами, что внутренняя красота, идущая из самого сердца, успешно компенсировала изъяны внешности.

– Да. Не хочется, – ответила я.

– А давай я тебе подарю свой букет, – неожиданно предложил он, серьезно и в упор посмотрев на меня. – Хочешь?

Хотела ли я получить цветы? Да я об этом и мечтать-то не смела! Конечно, хочу, хочу, хочу! От волнения пересохло во рту. Я стояла растерянная и смущенная, не зная, что ответить.

– Стой здесь, я сейчас! – И он мгновенно исчез.

До этого момента я никогда не общалась с ним. На исповедь ходила к монаху, отцу Никите. А с отцом Александром лишь иногда пересекалась в храме. И каждый раз старалась избежать его грозного и пристального взгляда. Но в тот момент, когда он заговорил со мной, мне не было страшно. Наоборот, я была счастлива! И когда отец Александр вынес мне огромный красивейший букет, моей радости не было предела!

– Спасибо вам, отец Александр! – сказала я.

– Пожалуйста, – буркнул он своим басом и протянул мне еще какой-то пакет. – Это тоже тебе!

– Что это? – спросила я.

– Дома посмотришь, иди.

И, стремительно развернувшись, он исчез – внезапно, как и появился, оставив меня в недоумении с букетом цветов и странным пакетом.

Я шла домой и заглядывала в глаза каждому встречному. Посмотрите! Вы только посмотрите на мой букет! Мне его подарили! Да! Да! Мне подарили цветы! Сердце трепещет! Сердцу хочется петь! Так хочется крикнуть: «Люди! Ну обратите же на меня внимание! Посмотрите на меня: я самая счастливая!» Но люди проходили мимо с хмурыми и недовольными лицами, не обращая на меня никакого внимания.

Легкая, как бабочка, с ликованием в душе я вбежала в дом.

– Ну! Что скачешь, стрекоза? – услышала голос бабки. – Полы когда мыть будешь?

Меня словно окатили холодной водой. Свет внутри погас. Праздник окончен. Пора возвращаться в реальность.

– Что это за веник? – На пороге появилась мама. – А в пакете что?

– Не знаю, – запинаясь, пробормотала я.

– Дожилась! Не знает, что за барахло с собой таскает! – съехидничала бабка.

– Это не барахло! – опустив глаза и совсем растерявшись, тихо возразила я.

– Ну, давай, выкладывай! – буркнула мама.

Осторожно и несмело я поставила пакет на стол и достала булку хлеба, сахар, чай, пряники, банку варенья, оладьи.

Вся семья столпилась вокруг с жадными глазами. В тот день в доме из съестного практически ничего не было. Достаточно частое, впрочем, явление.

– Надо поставить чай! – чуть более дружелюбно сказала бабка.

Содержимое пакета исчезло за несколько минут. Все были так довольны и счастливы, включая Артюху, что даже забыли спросить, где я это взяла! Насытившись, каждый отправился восвояси. Мама убрала со стола и один-единственный оставшийся оладушек, положила на блюдечко, накрыла железной крышкой и поставила на подоконник.

7

Ночь была темной – ни единой звездочки на небе. Мне не спалось. Снова и снова я перебирала в памяти драгоценные моменты прошедшего дня: как меня окликнул отец Александр, как подарил букет, как с упоением я вдыхала запах ладана и цветов, как счастливая на бешеной скорости неслась домой. Я ворочалась и улыбалась ночной тишине.

С улицы изредка доносились еле уловимые звуки: смех загулявшей компании, легкое дуновение ветерка, размеренный храп соседа за стенкой. Но все это было далеким и нереальным, а в доме царила теплая, мягкая, глубокая тишина, изредка нарушаемая поскрипыванием старого дивана.

Внезапно посреди этой мирной гармонии ночного царства раздался пронзительный, надрывный, дребезжащий грохот. Мгновенно подскочила вся дружная орда и, не понимая, что происходит, засуетилась, просыпаясь на ходу. Мы оперативно пробежались по комнатам, при-

жимаясь друг к другу от холода и страха. Комнаты стояли погруженные в глубокую ночь и абсолютно равнодушные к нашей панике и суматохе. Дойдя наконец до кухни и щелкнув выключателем, мы опешили. Свет вернул миру гармонию вселенной: несколько секунд все стояли, открыв рты, а потом разом, будто отсчитав про себя нужные секунды, весело расхохотались. Возле подоконника сидел Артюха, виновато потупив свои угольные глазки, а рядом валялись осколки блюда, железная крышка и один-единственный оладушек. Артюха, решив, что до утра лакомство сторожить не обязательно, попытался стащить с блюда крышку, чтобы добыть еду, но потерпел неудачу – вся эта конструкция с грохотом полетела вниз.

– Ну, ешь уже, ешь! – снисходительно потрепав Артюху за гриву, сказала мама.

И Артюха, безмерно счастливый оттого, что удалось избежать расправы, да еще и получить разрешение на поедание «добытого непосильным трудом», не заставив себя долго уговаривать, мгновенно проглотил оладушек.

8

Наши отношения с отцом Александром стремительно развивались. После каждой службы он бросал мне на ходу одну и ту же фразу: «Подожди меня, я сейчас!» Через пять минут он выходил переодетый в мирскую одежду и с полным пакетом, предназначавшимся для меня. Мы вместе выходили из храма и шли медленным шагом на остановку. Он мне рассказывал о Боге, о жизни, о себе. У меня впервые появилась возможность поделиться своими планами, тем, что меня волнует, и спросить о том, о чем спрашивать мне было не у кого. И однажды я поинтересовалась:

– Отец Александр! Ведь отец Никита монах?

– Ну да, – ответил он.

– И это значит, что у него никогда не будет семьи?

– Монахи не могут иметь семью, ты же знаешь!

– А что будет, если он влюбится? Ведь он же живой человек! – не унималась я.

– Наверное, ему придется выбирать: или Господь Бог, или женщина.

– Но это ведь жестоко! Это несправедливо! – искренне возмущалась я.

– Жизнь такая, какая есть, и каждый выбирает свой путь. А предъявлять претензии к Богу грешно!

– Да. Я поняла, – проговорила я сквозь слезы. Мне всем сердцем было жаль отца Никиту.

С ним мы познакомились очень необычно. Как-то я возвращалась домой, и одна милая старушка, маленькая, хрупкая, в цветастом платочке, попросила перевести ее через дорогу. Она плохо видела. Мы разговорились, старушка пригласила меня к себе домой выпить чаю. С того дня я часто бывала у бабы Моти – так ее звали. Приносила ей свежие булочки из буфета, а баба Мотя угощала меня вкусным борщом.

В один из таких визитов я и застала у нее отца Никиту. Тогда он еще не был священником, и имя его было Александр. Он только собирался принять монашество. Визуально мы друг друга знали, но никогда не общались. Баба Мотя нас познакомила. Я очень смутилась тогда.

Потом баба Мотя умерла, и наше общение с Александром-Никитой прервалось. Но когда его рукоположили в священники, я стала часто ходить к нему на исповедь. Я чувствовала к нему какое-то особенное доверие и безмерную симпатию, восхищалась его смелостью, благородством, умом, хотя так и не смогла понять, зачем молодому, красивому мужчине так необходимо было постригаться в монахи.

Отец Никита был старше меня всего на три года. Он был высокого роста и крепкого телосложения. Длинные, волнистые русые волосы его красиво струились до самой поясицы. Большие серые и немного отрешенные глаза, пухлые чувственные губы и прямой греческий профиль были предметом желаний и мечтой многих девушек, но он, увы, выбрал служение Богу.

Когда я смотрела в умные, потрясающей красоты глаза отца Никиты, я неизменно видела там нечеловеческую боль. От этого осознания щемило сердце. Вот отчего, беседуя с отцом Александром, я не смогла сдержать слезы.

9

В тот день, когда мне исполнилось семнадцать, меня никто не поздравил. Мама была на дежурстве, бабушка отругала за какую-то ерунду и обозвала гадкими словами. Она даже не вспомнила про мой день рождения.

Я угрюмо брела по узкой дорожке. Не первый раз в жизни я чувствовала себя одинокой и несчастной. Но впервые мне по-настоящему стало страшно. В этот день словно открылись мои глаза, и я увидела свою жизнь или, скорее, свое существование со стороны. И ужаснулась. Казалось, что во всей Вселенной нет больше ни единой живой души – ни людей, ни животных, ни растений. Все вымерло. Я осталась одна и не знала, что с этим делать. Это ощущение длилось мгновение, но я успела испытать реальное, всеобъемлющее одиночество.

В тот день я не пошла на занятия. Свернув с узенькой дорожки, перейдя через мост и миновав длинную улицу частного сектора, я оказалась возле храма. Этот путь я проходила множество раз, но в этот день мне показалось, что эту дорогу, эти улочки я вижу впервые. Осторожными легкими шагами, чтобы не шуметь, я приблизилась к иконе Всецарицы. Я любила эту икону. Именно здесь, в этом закутке храма, мне было спокойно и хорошо. Я прикрыла глаза и забыла обо всем на свете.

Сколько прошло времени? Десять минут, а может быть, час или три? Я не знала! Но очнулась от прикосновения чьей-то руки на моем плече. Я медленно обернулась и увидела перед собой отца Александра.

– Что случилось? – спросил он так нежно и проникновенно, что у меня защемило сердце.

– Я... я... я не могу, – разрыдалась я, от слабости опускаясь на скамеечку.

Отец Александр сел рядом. Он взял мою руку в свою и свободной ладонью погладил меня по голове. Я почувствовала, как по всему моему телу разливается тепло. До этого момента меня никто не гладил по голове, я даже не предполагала, что от этого бывает так хорошо и приятно. Как по мановению волшебной палочки все мои горести таяли. Не было сил пошевелиться. Я сидела, затаив дыхание, ошеломленная и смущенная.

– Знаешь, в жизни много бывает проблем, неприятностей, – тихо заговорил отец Александр, – и это, безусловно, тяжело и горько. Но это надо пережить, переболеть – другого не дано. Только когда преодолеешь препятствия достойно, с высоко поднятой головой, приходит осознание того, что все, что с нами происходит, не случайно. Это наш путь. Наш крест. От этого никуда не уйдешь, не спрячешься. Остается принять свою жизнь и не роптать. Стремись, развивайся, делай все, что от тебя зависит, а результат предоставь Богу. Тебе легче станет жить, и ты многое сможешь понять.

Я сосредоточенно слушала. Что-то новое, доселе неизвестное, открывалось мне. Я жадно ловила каждое его слово, интонацию, жест. Мне хотелось, чтобы эта беседа никогда не заканчивалась.

– Пойдем, я тебя провожу! Тебе домой пора! – сказал отец Александр.

– Я не хочу домой, – с печалью в голосе возразила я.

– Тебе там так плохо? – слегка наклонившись ко мне, спросил отец Александр.

Я молчала. Ну как объяснить, что родная бабушка меня ненавидит, что родную мать я раздражаю и что мой единственный друг – собака? Мне было страшно все это произнести, и после паузы я спросила:

– А вы бы смогли стать монахом?

– Скорее нет, чем да, – неохотно отозвался он. – В любом случае это уже невозможно: у меня есть жена и дети. А монахи дают обет безбрачия.

– А сколько вам лет? – я вдруг покраснела и опустила глаза, а отец Александр рассмеялся.
– Вот уж воистину, – сквозь смех проговорил он, – все женщины безмерно любознательны.

– Я не женщина! – возразила я и покраснела еще больше.

– Ты обязательно станешь красивой и привлекательной женщиной, – серьезно сказал отец Александр. Теперь смутился он. – А лет мне тридцать.

– Ого! – искренне удивилась я.

– Что, много?

– Нет! Просто вы не выглядите на тридцать лет!

– На сколько же лет я выгляжу? – удивился он.

– На двадцать девять!

Отец Александр смеялся до слез, а я растерянно смотрела на него, не понимая, что же его так развеселило.

10

Эти совместные походы от храма до остановки со временем превратились в нечто большее, чем просто беседы. Нечто невидимое, но прочное связывало нас. Двое людей, несчастная взрослеющая девушка и успешный священник, неожиданно для себя самих находят друг в друге отдушину. Ту самую отдушину, где четко знаешь, что нужен человеку как воздух, и человек как воздух нужен тебе.

Я не узнавала сама себя. Общение с отцом Александром шло мне на пользу. Во мне появилась уверенность, распрямились плечи, и весь мир, до тех пор неизменно тусклый и печальный, озарился вдруг ярким и необычным светом. Я слушала отца Александра и училась принимать жизнь такой, какая она есть. Издевки, скандалы, неприятности дома я воспринимала как неизбежное и не более того. И наслаждалась теми минутами, которые проводила с отцом Александром.

Он смог увидеть во мне личность. Часто он говорил мне, что я красавица и умница, но я подозрительно и недоверчиво на него косилась. Прошло немало времени, прежде чем отцу Александру удалось убедить меня в том, что он говорит правду. Он заставил меня поверить в то, что я не жирная корова, а девушка «в теле», что у меня необыкновенная персиковая кожа и удивительной красоты глаза!

После встреч и общения с отцом Александром приходилось спускаться с небес и возвращаться домой. А обстановка там становилась все напряженнее. В довершение ко всему бабка упала и сломала шейку бедра. Она больше не могла ходить и была прикована к кровати. Ей требовался уход. Необходимо было ее кормить, выносить судно, менять постель. Этим занималась мама, но когда она уходила на работу, обязанности автоматически перекладывались на меня. Ненавидя бабку, зажимая и воротя нос от судна, скрипя от бессилия зубами, я выполняла то, что от меня требовалось. С бабкой мы практически не общались. Я молча забирала судно, молча подавала еду и молча уносила обратно грязную посуду.

Однажды, поставив бабке тарелку с супом, я, как всегда, развернулась, чтобы уйти. Но внезапно почувствовала на своих ногах что-то горячее и липкое. Я посмотрела вниз. По ногам стекала суповая жижа, а рядом валялась тарелка.

– Убирайся, сучка! – крикнула бабка. – Ненавижу тебя!

Я испугалась. Это были, пожалуй, единственные слова, которые я от нее услышала с начала ее постельного режима. После этой сцены она редко что-либо мне говорила и только в том случае, если ей было что-то нужно принести или подать.

Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы жизнь меня не столкнула с моим бывшим школьным педагогом. Виктора Викторовича, несмотря на его непреодолимую тягу к алкоголю, любили все. Веселый, добрый, с чувством юмора и безмерным обаянием, он

был заводилой в любой компании. Невысокого роста, с голубыми ясными глазами и неизменно зачесанными назад гладкими волосами пшеничного цвета, он был похож на доброго старика-волшебника. Где бы он ни появлялся, всегда звучал залиvistый смех от его шуток и анекдотов.

Мы с ним встретились в хозяйственном магазине, куда мама отправила меня за краской для пола.

– Ну что, редиска, нос повесила? – весело поинтересовался Виктор Викторович.

– Да что-то радоваться нечему, – мрачно ответила я.

– Ну, ну, не узнаю свою девчонку-отличницу!

Повисла пауза. Я не знала, что говорить. На сердце было тяжело и неудобно.

– А чего ты вообще тут торчишь? – внезапно спросил Виктор Викторович. – Раз тебе здесь так плохо, переводись в другой город. Поселишься в общежитии, и начнется другая жизнь, – весело подмигнул он мне.

– Как? Я могу перевестись?

– Ну да.

– В другой город?

– Ну да.

– И общежитие будет?

– Будет, – утвердительно кивнул он.

– Так что же вы мне об этом раньше не сказали?

– Ну ты даешь! – пожал плечами Виктор Викторович. – Откуда ж мне было знать, что ты сбежать мечтаешь?

– Очень мечтаю, очень! Понимаете, я должна уехать, – трясла я его за руку. – Не могу я здесь больше!

– Да что с тобой? – Он серьезно посмотрел на меня.

– Спасибо вам, Виктор Викторович! Спасибо!

И я звонко чмокнула его в щеку.

11

Уехать... Ну конечно! Как я раньше не догадалась? Это же выход: начать жить самостоятельной жизнью. Я уеду, и больше не будет этого кошмара. Меня некому будет ругать и обзывать непристойными словами, мне некого будет бояться, не от чего впадать в панику и ужас. Я освобожусь от оков и неприятных обязанностей. Наконец-то я буду свободна!

Вот только от отца Александра мне будет уехать непросто. За эти несколько месяцев, в течение которых мы виделись с ним почти каждый день, он стал неотъемлемой частью моей жизни, ярким лучиком света в безрадостном существовании. Я уже не могла представить себя отдельно от отца Александра. Он успел завладеть моими мыслями и чувствами. Я попала в зависимость от него. Мне не хватало воздуха, если его не было рядом.

Я стояла перед выбором: оставить все как прежде – дружбу с отцом Александром, любовь Артюхи и невыносимую обстановку в семье – либо уехать и все изменить.

Расставаться было страшно. В этом случае необходимо было набраться смелости и попроситься с отцом Александром, порвав отношения с единственным, кто сумел мне подарить ласку, заботу и внимание. Да еще Артюху бросить на произвол судьбы. Кто с ним будет гулять? Кормить? Заботиться о нем?

Но оставить все как есть было еще страшнее.

Я металась, словно зверь в клетке. Не могла ни есть, ни спать. Как же понять, что правильно в этой жизни, а что – нет? Кому задавать вопросы и где искать ответы?

12

После службы мы с отцом Александром, как обычно, шли на остановку. Впервые между нами не получалось разговора. Я молчала. Молчал и отец Александр. Я принимала важное решение. Быть может, первое самостоятельное решение в своей жизни. Он мне не мешал.

– Отец Александр, – начала я и запнулась.

Он посмотрел на меня серьезно и внимательно, и я невольно сжалась от этого пронзительного взгляда.

– Что случилось? – так же участливо, как и несколько месяцев назад, спросил он.

– Я... я уезжаю, – еле сдерживая накатившие слезы, ответила я.

Отец Александр прикрыл глаза. Его губы еле заметно двигались. Он молился Богу. В нем что-то боролось, и он, не в силах выдержать это испытание, обращался к Господу за помощью. Я это понимала. Слезы градом катились из моих глаз. Мне вдруг стало безумно жаль себя и этого человека рядом, с потерянным видом обращавшегося к тому, кто Выше, Чище, Мудрее и Всемогушее.

– Что с вами? – Я легко и осторожно дотронулась до его руки. – Вам плохо?

– Да, мне очень плохо, – глухим, незнакомым голосом ответил отец Александр, – но плохо не так, как ты думаешь.

– Вы говорите какими-то загадками.

– Зачем ты уезжаешь? – не обращая внимания на мою реплику, спросил отец Александр. – Ты хоть знаешь, что тебя ждет? Безденежье, голод, разврат!

– Я справлюсь, отец Александр! – дрогнувшим голосом ответила я. – Не могу я здесь больше, понимаете?

Он пристально взгляделся в мои глаза, словно пытался понять, что со мной происходит. Потом легко прикоснулся к моему плечу и придвинул меня к себе ближе. Я чувствовала его дыхание, его теплую сильную руку на своем плече. Мне казалось, что мое сердце вот-вот разорвется на части.

– Тебе здесь плохо совсем, да? – с каким-то сожалением спросил он.

Я молчала. Слезы застилали глаза.

– Можешь не рассказывать, – снова заговорил он, – я знаю, что плохо тебе живется.

– Год назад, – сквозь рыдания выдавила я из себя, – моя подружка Катя выходила замуж. Она пригласила меня на свадьбу. Дома меня на силу отпустили, с приказом явиться обратно в восемь вечера. Но вечером началось все самое интересное. Я познакомилась с мальчиком. – Тут я опустила глаза и перешла почти на шепот, но назад пути не было: я начала делиться историей из своей жизни, которая будоражила мое воображение даже спустя год. – Мне он очень понравился. Мы с ним танцевали все медленные танцы.

– Ты в первый раз танцевала с мальчиком, верно?

– Да! Это было так здорово и так красиво! Ну, в общем, домой я вернулась в первом часу ночи. Матери не было, она дежурила. Бабка встретила руганью. Другого я и не ждала. А утром началось... Я хотела идти к подруге, праздновать второй день свадьбы, встретиться со вчерашним мальчиком, но пришла с работы мама, и бабка сказала ей, что я явилась пьяная, лыка не вязала и на четвереньках ползала!

– А ты объяснила маме, что это неправда?

– Мама на меня накричала и заявила, что я наказана и никуда не пойду! Я плакала, просила, чтобы она меня выслушала. Мама не слушала. Я закрылась в комнате, не выходила день. А свадьба гуляла, и мальчик, который мне понравился, был там.

– Ты обижена!

– Они ненавидят меня! Что я такого им сделала?

Отец Александр вместо ответа легонько потрепал меня по плечу и спросил:

– Когда ты уезжаешь?

– Завтра, – мужественно ответила я.

«Бежать, бежать от него стремглав!» – пронзала меня мысль. Но нужно было найти в себе силы оторваться от его глаз, а сил не было. Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Автобусы один за одним приезжали и уезжали. Я не могла уйти. Он не мог меня отпустить.

– Не делай этого, – сказал наконец отец Александр. – Не уезжай! Прошу тебя!

– Не надо, отец Александр. Мне пора!

Я решительно выдернула свои руки из его рук так, что стало нестерпимо больно. И от этой боли на глазах выступили слезы. Я вбежала в автобус и рухнула на сиденье, обессиленная и измученная. Я теряла человека, и мне казалось, что от меня отрывают кусок моего сердца. Но я не могла остаться только ради него. Зачем он мне? Зачем я ему? У него семья, высокое социальное положение, любовь и забота окружающих. И мне нет места возле него. Так лучше: я уеду и забуду о нем раз и навсегда! Но я обманывала себя, понимая, что уже успела глубоко привязаться к нему и забыть его мне будет ох как нелегко! Он будет жить в моем сердце. «Бред какой-то. Так не бывает. Я не могу, не имею права думать о нем». Разум мой упорно кричал: нельзя! нельзя! А сердце упорно твердило: любишь! любишь! Как страшно-то, Господи! Надо ехать. Далеко. Навсегда. Чтобы не видеть больше никогда его глаз, не слышать нежного голоса, не чувствовать ласковых рук.

13

В день отъезда я лихорадочно металась по квартире. До поезда оставалось уже совсем немного времени, а у меня еще не были собраны вещи. Все валилось из рук. Я ничего не могла найти. Мозг отказывался соображать. В отчаянии я бросила сумку и схватилась за голову, не зная, что делать. В этот самый момент раздался звонок в квартиру. «Кто там еще приперся?» – с раздражением подумала я и, с силой дернув ручку, распахнула дверь. На пороге стоял отец Александр. Нервы сдали, и, уже не контролируя себя, я бросилась к нему на шею и разрыдалась.

– Ну, ну, девочка моя, хорошая, – гладил меня по голове отец Александр. – Ты же у меня сильная, умная, красивая. Все будет хорошо!

Я уткнулась лицом в его мягкое плечо. Слезы катились градом. Я рыдала в голос, жалея обо всем на свете. О том, что в свой день рождения вместо занятий оказалась в церкви, что ко мне подошел отец Александр и заговорил, что он необратимо стал для меня близким и дорогим человеком.

Мне было страшно уезжать, а еще страшнее не уезжать. Сердце разрывалось от боли и отчаяния. Зачем он пришел? Ведь я уже смирилась с тем, что теряю его. Пыталась, сжав зубы, разорвать эти странные отношения со священнослужителем. А он снова встал на моем пути, будто дьявол-искуситель. Он мучает меня и терзает! Он издевается надо мной!

– Не плачь, девочка моя, хорошая, милая. – Он вытирал мне слезы своим неизвестно откуда появившимся платком. – Не плачь.

Он осторожно взял меня за плечи и, придерживая, словно боясь, что я рухну, подтолкнул в комнату. Мы сели друг напротив друга. Трясущимися руками я налила нам по чашке чая. Но к чаю мы так и не притронулись.

Стояла мертвая тишина, в которой громоподобно тикали часы и стучало сердце.

– А у меня есть для вас подарок, – наконец нарушила я молчание и достала из своей курточки маленькую иконку Богородицы Всецарицы. – Я хочу, чтобы эта иконка хранила вас от бед и несчастий.

– Спасибо, моя хорошая.

Он перекрестился, и осторожно взял икону из моих рук. Потом достал из кармана свою фотографию и положил передо мной.

– Это тебе.

Я ничего не сказала. Мне не хотелось брать его снимок, но отказать ему я не могла и вложила фото в свой паспорт.

Время поджимало. Пора было ехать на вокзал. Отец Александр попрощался с моей семьей, с любопытством наблюдавшей за нашей встречей. Я, бросив на ходу: «Сейчас приду!», вышла за ним. Мы медленно спускались по грязной, заплесанной окурками лестнице. Я шла за отцом Александром почти вплотную, чувствуя приятный запах от его темных кудряшек. Посреди лестничной площадки он вдруг резко остановился. Я невольно вздрогнула. Он внимательно и серьезно посмотрел на меня и тихо, но настойчиво сказал:

– Иди сюда!

И протянул мне свои пухлые, чуть красноватые руки. Я покорно подошла. Меня трясло как в лихорадке. Отец Александр притянул меня к себе и крепко обнял, прижимая лицом к своей щеке. От неожиданности и новых, неизведанных ощущений мои ноги подкосились, и я повисла на руках отца Александра, как тряпичная кукла. Он только крепче сжал меня в объятиях, чтобы я не рухнула на пол. Потом отстранил от себя и, взяв мое лицо обеими руками, заглянул в глаза. Я качалась из стороны в сторону, грозя вот-вот потерять сознание. Тогда отец Александр принялся покрывать легкими поцелуями мой лоб, глаза, щеки... И вот я почувствовала его губы на своих губах – теплые, нежные, просящие, настойчивые. Мои губы дрогнули, и мы слились с отцом Александром в единое целое долгим нежным поцелуем.

Оказывается, это здорово, когда тебя целует мужчина! Я всегда считала, что это противно и гадко, а оказалось, что это непередаваемо приятные ощущения, которых мне еще никогда не приходилось испытывать. Сердце бешено колотилось, угрожая выпрыгнуть наружу. И тогда вдруг резко, будто опомнившись, я оттолкнула отца Александра и убежала вверх по лестнице.

VIVACE

14

Я часто писала ему письма, и он на каждое отвечал. Я рассказывала про город, про учебу, про жизнь в общежитии. «Тут очень красиво, – писала я, – всюду зеленые, аккуратненькие улочки. Мне очень нравится! Все совсем по-другому. Но мне очень не хватает Вас. Я так к Вам привыкла, привязалась, что трудно теперь жить без Вас!»

В ответ он писал: «Милая, хорошая, здравствуй! Спасибо тебе за письма. Ты здорово умеешь писать. Зачитываюсь! Но я хочу тебе сказать другое. Я люблю тебя! Люблю не только как друга, хорошего человека, но как женщину. Ты уже взрослая девочка и должна понять: так бывает. Мужчина влюбляется в женщину, женщина влюбляется в мужчину. Конечно, я не имею права говорить с тобой о любви между мужчиной и женщиной, ведь я – священник. У меня есть семья. Но сердцу не прикажешь. Ты для меня, милая девочка, самый дорогой и близкий человек на земле! Знай это. Целую тебя. Твой отец Александр».

Я снова и снова перечитывала его строки. «Люблю тебя как женщину!» Что это значит? Чего он хочет от меня? Зачем пишет такое? У него есть жена. Значит, он ее любит? Должен любить! Но разве можно любить еще и меня? Так не бывает!

Эта моя наивность, граничащая то с мудростью, то с глупостью, забавляла отца Александра. За это, как сам писал, он меня и полюбил. Я ему задавала наивные, на первый взгляд даже дурацкие вопросы. А он искренне признавался, что не знает, как мне, глупенькой, объяснить необъяснимое. Умный дядька, изо дня в день наставляющий свою паству на путь истинный, не знал, что мне ответить, – а я с нетерпением ждала его ответов! Я, сама того не желая, заставляла его задумываться о жизни, о людях, их поступках. И отец Александр вынужден был смотреть на свою жизнь и на себя самого другими глазами. Он пытался убедить себя и меня, что пишет мне только ради того, чтобы поддержать, дать мудрый совет опытного священника. Но можно обмануть и меня, и свой разум, а вот сердце обмануть невозможно.

15

Моя жизнь стремительно менялась в лучшую сторону. Я записалась в спортзал и через несколько месяцев упорных тренировок похудела почти на десять килограммов. Пройдя курс лечения у косметолога, я приобрела гладкую кожу. Глаза сияли от удовольствия и результатов, которые приносила работа над собой. Я фонтанировала новыми идеями. Жизненная энергия была ключом.

О доме я вспоминала редко и никогда не скучала. Меня поражало, что остальные студенты с нетерпением ждали возможности съездить домой, к своим родным и близким. Единственным членом семьи, о котором я скучала, был Артюха. Мне его не хватало. Никто теперь не согревал мне ноги в холодные ночи, никто не будил по утрам, не к кому было прижаться, когда бывало трудно. Как там теперь живет моя любимая псина? Кто его выгуливает? Кормят ли его?

Ну и, конечно же, большую часть мыслей занимал отец Александр. Каждый вечер, закрывая глаза, я представляла нашу с ним встречу. Как приеду и брошусь ему на шею, как затеряюсь, утону в его мягких, нежных руках. Как скажу ему, что безумно скучала и чуть не умерла от тоски по нему. Безудержные фантазии затягивали меня все дальше и дальше. И однажды, находясь во власти своих эмоций, я написала ему письмо:

«Здравствуйте, мой дорогой отец Александр! У меня сегодня прекрасное настроение! Можете меня поздравить: экзамен, которого я так сильно боялась (ну, помните, я Вам рассказывала?), сдала на пятерку! Так легко сразу стало, будто камень с души свалился! Вообще, у меня здесь другая жизнь, совсем не похожая на прежнюю. Я Вам уже писала об этом.

Знаете, иногда мне становится так хорошо, что кажется, я не иду по земле, а лечу по воздуху. И это все благодаря Вам, отец Александр. Помните, я спрашивала у Вас, что такое любовь? Кажется, я поняла: любовь это и есть то чувство, благодаря которому ты не ходишь по земле, а летаешь по небу! Мне так хорошо! Спасибо Вам, отец Александр, за то, что Вы у меня есть. Теперь я Вам точно могу сказать: я люблю Вас! Я Вас люблю! Целую Вас крепко и надеюсь на скорую встречу с Вами».

16

Шли дни, летели недели. Отец Александр молчал.

Я изводила себя ожиданием, по несколько раз в день спускаясь к почтовому ящику. Писем не было.

Его телефон не отвечал.

Я бессмысленно бродила по усыпанным желтыми листьями аллеям.

Когда порвалась эта ниточка, все потеряло смысл. Учеба заброшена и сессия сдана кое-как.

Начались каникулы.

Я ехала домой с тяжелым чувством, заранее догадываясь, что ничего хорошего меня там не ждет. И не ошиблась. Дома встретили так, будто бы я никуда не уезжала, а вышла на несколько часов прогуляться. Каждый занимался своими делами, не обращая на меня никакого внимания. Рад был только Артюха, не отходивший от меня ни на шаг.

– Ну что, псинка, рассказывай, как ты тут без меня? – спросила я его, прижимаясь к его мокрому черному носику.

– У-у-у-у, – протянул Артюха.

– Все с тобой понятно! Плохо тебе живется! – неожиданно для себя заговорила я словами отца Александра.

Артюха склонил голову набок и внимательно смотрел на меня.

– А, – махнула я рукой, – пойдем гулять. Тащи поводок!

Собака послушно в считанные секунды притащила поводок, и мы, как бывало прежде, отправились на прогулку.

Я медленно шла по знакомому маршруту. Артюха радостно и лихо бежал впереди, иногда на миг останавливаясь и к чему-то принюхиваясь.

Я пыталась найти в себе чувство сожаления, ностальгии по родным краям. Пыталась, но не находила. Все мне казалось тусклым и чужим. Мне вдруг захотелось бежать. Обратно – в студенческое общежитие. Бежать, чтобы не видеть ничего, напоминающего мне о прошлой жизни. Но необходимо было найти отца Александра. И только это обстоятельство удерживало меня от немедленного отъезда.

Мы вернулись домой. Как обычно, я вымыла Артюхе лапы, потрепала его за длинные кудрявые уши и сказала:

– Ну, все, друг, я пошла! Пожелай мне удачи!

В прихожей, где я поправляла причёску, возник Дэн. И смерил меня откровенно любопытным взглядом, будто рассматривая музейный экземпляр.

– Куда это такая красота направляется? – ехидно спросил он.

– Не твоё дело, – буркнула я и открыла входную дверь, спеша поскорее избавиться от его общества.

– А ты похудела, – заметил Дэн, – молодец!

От неожиданности я застыла на месте и обернулась. Это было, пожалуй, его первое доброе слово в мой адрес со времен моего появления на свет. Чтобы кому-то услышать от Дэна комплимент, обычно нужно было сделать невозможное. Вероятно, мне это удалось. Несколько секунд я стояла ошарашенная, изумленно глядя на Дэна. Потом тряхнула головой, прикоснувшись рукой к волосам, и с достоинством ответила:

– Я знаю!

Теперь уже изумился Дэн, но я, довольная собой, уже легко бежала по лестнице, предвкушая долгожданную встречу.

17

Я шла обычным нашим маршрутом, которым столько раз ходила с отцом Александром. Какие-то странные, нехорошие предчувствия не давали мне покоя. Чем ближе становился храм, тем сильнее меня охватывало неприятное волнение.

В храме, как всегда, было тихо и спокойно. Только изредка потрескивали догорающие свечи. Я встала у иконы Богородицы, той самой, возле которой отец Александр наставлял меня на путь истинный. Но не было и следа от прежнего умиротворения – в душе росла тревога. Я ждала с нетерпением, когда откроется алтарь и оттуда выйдет отец Александр. Священники и служащие выходили один за другим, но его не было видно.

Наконец я не выдержала, подошла к женщине в платочке, которая продавала свечи, и почти выкрикнула:

– А где отец Александр?

– Так уехал он, – последовал ответ.

– Как уехал?

В глазах у меня помутнело, и ком подкатил к горлу.

– Перевели его в другой город, – участливо объяснила женщина.

Я тупо смотрела в одну точку. Он уехал и ничего мне не сказал. Он подло бросил меня. Где его теперь искать? Да и стоит ли? Но без него мне ничего не нужно. Без него мне одиноко. Как он мог? Почему он не пишет?

Я вернулась домой. Запустила пальцы в густую теплую шерсть Артюхи. Мне было холодно.

18

Все последующие дни я пролежала в кровати. Болела. Ко мне вызвали доктора, но он никаких отклонений не нашел. Долго удивлялся: вид болезненный, но все показатели в норме. Температура, давление – все в порядке. Разве мог он понять, что у меня сердце разрывалось от тоски, истекая кровью от подлости и предательства близкого человека? Мог ли он это увидеть? Мог ли излечить? Нет. Медицина была бессильна.

Ослабленная и бледная, я с трудом поднялась на ноги через несколько дней. Каникулы заканчивались, и надо было уезжать. Я была рада, что эта пытка подходит к концу.

Откуда мне было знать, что в общежитии меня ждет окончательный удар в спину?

– Тебе письмо, – радостно сказала вахтерша, увидев меня, – пляши.

– Спасибо! – подпрыгнула я на месте и помчалась вверх по лестнице.

На конверте был почерк отца Александра, и я торопилась прочесть его содержимое. «Наконец-то он вспомнил обо мне! Наконец-то!» Вбежав в комнату и бросив сумку на пол, дрожащими руками я вскрыла конверт. Внутри был маленький клочок бумаги. Странно. Отец Александр всегда писал мне длинные, обстоятельные письма. Я еще раз взглянула на конверт: все правильно, письмо от него – и тогда уже прочла:

«Ты мне не нужна. Не пиши и не звони. Исповедайся, покайся и причастись. Отец Александр».

Наверное, я забыла русский язык. Я не понимала ни одного слова. Снова и снова перечитывала записку: «Ты мне не нужна».

«Не нужна, не нужна, не нужна», – стучало в голове. Прислонившись к холодной стене, я медленно съехала вниз. «Не пиши, не пиши... Не пиши и не звони... Не звони, не звони, не звони», – ударял молоточек по мозгам. «Покайся». Тело горело, словно в огне. Я задыхалась. Мир рушился. Голова сильно кружилась. Образ отца Александра меркнул, а на его место приходили пустота и боль. Я стискивала пальцами этот крошечный клочок бумаги, не зная, что с ним делать дальше. Немного подумав, я аккуратно убрала записку обратно в конверт и вложила его в кипу толстых учебных тетрадей.

19

Дни проходили размеренно и спокойно. Острая боль постепенно утихала, оставляя кровоточащую рану. Я старалась занять себя, загрузить, чтобы не вспоминать о том, кто еще совсем недавно был близок и дорог. С учебы на работу, с работы на тренировку. Свободного времени практически не оставалось. Я возвращалась в общежитие поздно вечером, ложилась и мгновенно засыпала, ни о чем не раздумывая.

Вскоре мою размеренную жизнь нарушила телеграмма от матери. Умерла бабка, нужно было срочно выезжать на похороны. Уже через несколько часов я мчалась в ночном поезде. К утру я была дома. Посреди зала стоял гроб с бабкиным телом. В квартире было невыносимо много народу, все суетились, переговаривались, бросая на меня равнодушные взгляды. Я ходила как неприкаянная. Смерть бабки меня нисколько не тронула. Я равнодушно смотрела на мертвое разлагавшееся тело и не испытывала абсолютно никаких эмоций по этому поводу.

– А, приехала? – походя окликнула меня мама. Она ничуть не изменилась. Все такая же энергичная, властная, она четко и коротко отдавала указания по организации похорон. – Что стоишь-то? – с укором спросила она. – Иди за священником, отпеть же надо! – И удалилась, только слышен был ее командный голос, распоряжающийся незнакомыми мне людьми.

Я покорно поплелась в церковь, к отцу Никите. Застала я его на входе в храм и буквально вцепилась в его руку.

– Отец Никита, у меня бабка умерла, вы очень нужны! – на одном дыхании выпалила я.

– Поехали, – коротко ответил он, и мы прямиком направились к дому.

– Ты когда приехала-то? – спросил по дороге отец Никита.

– Два часа назад, – устало ответила я.

Наша квартира находилась на восьмом этаже. Лифт уже года два не работал. Отец Никита, грузный и плотный, переступал ступеньку за ступенькой, часто останавливаясь и тяжело дыша. Я поддерживала его под руку то с одной, то с другой стороны, успевая вытирать выступавший на его лбу крупными каплями пот. До двери мы добрались оба обессиленные, отец Никита задыхался, а у меня тряслись руки и подкашивались ноги.

Несколько минут отец Никита молча готовился к отпеванию, а потом неожиданно сунул мне молитвенник и строго сказал: «Читай!» Я открыла страницу, но буквы прыгали перед глазами, расплываясь мелкими кляксами. Дрожащим от страха и усталости голосом я начала читать и не узнала себя. Голос был чужим. Девичья мягкость и нежность куда-то исчезли. Появились строгие, грозные интонации. Голос звучал глухо и тревожно.

Отец Никита буквально вырвал из моих рук молитвенник. Я подняла на него глаза и с трудом поняла, что отпевание закончилось. Передо мной стояло два отца Никиты и два гроба. Голова закружилась, и я невольно схватилась за спинку стула.

– Ну, ничего, ничего, – тихо сказал отец Никита, – ты молодец!

– Спасибо вам, отец Никита, – хрипло произнесла я.

Похороны плыли как в тумане: яма, гроб, земля. Как странно: была женщина, жила восемьдесят два года, к чему-то стремилась, кого-то любила, кого-то ненавидела. А потом все закончилось в один миг: она закрыла глаза и больше их не открыла. И теперь ее запихнули в ящик, зарыли в землю, на съедение червям. Могила со временем порастет травой, крест истреплется от снегов и дождей, память затрется. Потом умрут и те, кто знал ее. И ничего не останется. Все закончится. Жалкий бугорок с покосившимся крестом да сорной травой будет одиноко стоять, забытый и всеми покинутый. Вздыхать и плакать будет один лишь ветер.

Мне хотелось скорее со всем этим покончить. Я устала. Но на мне лежали обязанности, от которых я не могла отказаться.

Уже вечером, когда все разошлись, я спросила у мамы, домывая посуду:

– Ты Дэну дала телеграмму?

– Конечно. – Она подняла на меня тоже уставшие, ко всему безразличные глаза.

– И где он? Почему он сейчас не здесь?

– Не смог приехать, – отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи, ответила мама.

– Что значит «не смог приехать»? – возмутилась я, сама удивляясь своей реакции.

– Домывай посуду и иди спать! – строго сказала мама.

Как же так? Ведь бабка его любила больше жизни! Она готова была отдать все, лишь бы Дэну было хорошо. Я всегда удивлялась, почему бабка не заботилась о маме так же, как о нем. Ведь Дэн далеко. Непонятно в каких разъездах и на каких работах. А мама здесь, рядом. Она ухаживала за бабкой и делала все возможное и невозможное, чтобы скрасить ее последние дни жизни.

Бабка очень любила книги, и мама часто, иногда на последние копейки, приобретала художественную литературу. Бабка читала запоем, не отрываясь. Мне казалось, что конец своей жизни она провела в другом, иллюзорном мире, спасаясь тем самым от болей и от жестокой реальности.

Именно от бабки я унаследовала любовь к книгам. Часто в тишине, в те моменты, когда меня никто не видел, я открывала шкаф, до отказа набитый книгами, и перебирала их, одну за другой, сдувая пылинки и разглаживая смятые листочки. Я оказывалась в мире сказок и фантазий. И, подобно бабке, начинала жить в этом мире. Это было захватывающе и увлекательно. И так не похоже на тот мир, который окружал меня в реальности.

Я вошла в комнату, где когда-то лежала бабка, читая многотомные произведения. В комнате никого не было. Постель была аккуратно заправлена. Я осторожно села на нее, и мой взгляд упал на случайно завалившуюся за кровать книгу. Я взяла ее в руки. В книге, примерно

на середине, лежала закладка. Бабка, видимо, с упоением и наслаждением читала, но, увы, дойти до финала не успела.

Впервые мне ее искренне стало жаль. Я вдруг вспомнила ее ситцевое платьице, белый платок, повязанный поверх седых волос, большие, в пол-лица очки. Что она чувствовала, когда лежала здесь одна, лишенная возможности двигаться и способная только безмолвно читать и наслаждаться жизнью в несуществующем мире? О чем она думала? Что вспоминала в последние дни своей жизни? Безусловно, она ждала Дэна. Дэн был для нее светом в окошке. Она ждала его, чтобы в последний раз прикоснуться к его руке, чмокнуть по-матерински в щеку, заглянуть в глаза своего любимого чада. Она ждала и, возможно, умирая, шептала его имя. Она не дождалась. Имя застыло на помертвевших холодных губах.

– Дэн, скотина! – От злости я сжала покрывало на опустевшей кровати.

Я всегда его недолюбливала: за его ехидную неискреннюю улыбку, за его насмешки и издевательства, за его оскорбления. Но боялась в этом признаться даже самой себе. В семье о Дэне запрещалось говорить плохо. Его превозносили. Боготворили. Но я интуитивно чувствовала, что превозносить его не за что. И что под красивой оберткой кроется отвратительная, вонючая гниль. Я понимала, что, приезжая к нам в семью и унижая и высмеивая маму и меня, Дэн таким образом самоутверждался. Он постоянно был в поисках заработка и всегда приезжал к нам без денег. За годы сложилась традиция: мама с бабушкой его откармливали, одевали-обували, а потом покупали ему билет и отправляли восвояси. За все эти добрые дела они получали в свой адрес едкие замечания и ехидные насмешки. Обо мне и говорить нечего. На мне Дэн отыгрывался по полной программе и виртуозно оттачивал свое «мастерство». «Не носи лифчик, – помню, сказал он мне однажды в присутствии матери. – А то сиськи отвиснут, и будешь похожа на корову!» Я вжалась в стул. Мне было стыдно, жутко стыдно. Если бы было возможно провалиться сквозь землю, я бы провалилась. Если бы можно было раствориться и стать невидимой, я бы с большим удовольствием превратилась в невидимку. Мама сделала вид, будто ничего не услышала. Она никогда не перечила Дэну и стойко и мужественно терпела все его издевки.

Теперь, когда я сидела в бабушкиной комнате и перебирала эти гадкие эпизоды с участием Дэна, стало больно и обидно: за себя, за маму, за бабушку. В этот день для меня вскрылась гнилая суть Дэна, и я решила, что больше не позволю ему наносить оскорбления ни мне, ни матери.

20

Безразличная, опустошенная и равнодушная, возвращалась я в общежитие. Что-то надломилось во мне. Слишком много событий случилось со мной в последнее время. Встреча с отцом Александром, переезд, предательство, смерть бабушки – все это не прошло для меня бесследно. За несколько месяцев я повзрослела на несколько лет. Жизнь открывалась для меня с совершенно новой, ранее неизвестной стороны. И я, напуганная и ошарашенная ее стремительным и бурным течением, не знала, что мне теперь со всем этим делать.

Церковь больше не приносила умиротворения. Наоборот, на душе становилось тревожно и беспокойно. В каждом священнике мне мерещился отец Александр, и потому каждого священника я ненавидела.

Теперь я знала, что под рясой у всех у них кроются пороки и грехи. Как можно исповедоваться священнику, который сам погряз в разврате и грехе? Как можно довериться священнику, который еще порочнее и невежественнее тебя? Я боролась сама с собой. Я не хотела терять храм – отдушину для моей измученной души. Но и находиться в храме тоже не могла. Не в силах больше выдерживать эту ношу, я пришла на исповедь к одному из таких священников. Я хорошо помнила записку отца Александра: «Исповедайся, покайся и причастись». Не могу сказать, что у меня было желание его слушаться. Скорее всего, я сама понимала, что

мне просто необходимо снять с себя тяжкий груз. Я физически ощущала на себе тонны грязи, и безумно хотелось отмыться, очиститься, чтобы стало легче и спокойнее.

Этот священник не был похож на отца Александра. Он был высокого роста и худощав. Его рыжие редкие волосы безжизненно свисали с плеч. Борода, такая же редкая и рыжая, торчала во все стороны. Густые длинные бесцветные брови окаймляли небольшие светлые глаза. Резко очерченный рот был плотно сжат, и когда он говорил, казалось, что его рот некто невидимый дергает за ниточки.

– Я целовалась со священником! – выпалила я. – И не только целовалась, но еще и переписывалась.

– Знаешь, как это называется? – грозно, с каким-то жутким отвращением спросил святой отец. – Это называется блуд.

От гнева и возмущения он покраснел и покрылся испариной. Я молчала, униженная, растоптанная и растерзанная, склонив голову. А внутри, словно снежный ком, нарастал, накачивал еще больший гнев на всех священников. В чем я виновата? В том, что живая и могу любить? Это он, взрослый дядька в священном одеянии, заставил меня полюбить его. Это он полез целоваться к невинной девочке. И теперь другой священник, возможно не менее грешный, грозит мне расправой и Божьим Судом. За что? Что я вам всем сделала, священные чины? Я выбежала из храма. Слезы катились градом. Я не нашла покоя, я не нашла поддержки там, где должна была ее найти. Меня преследовали боль, разочарование и чувство омерзения. Дорога в храм была закрыта.

21

Время шло быстро. Из юной девушки я превращалась в молодую красивую женщину. Мне исполнился двадцать один год, и я заканчивала училище. Ничего не изменилось за эти четыре года. Мои сокурсницы всю дружили с молодыми людьми, выходили замуж. А я об отношениях с парнями даже слышать ничего не хотела. Для меня их просто не существовало. Я и в мыслях, в своих самых смелых фантазиях, не могла представить, что какой-то юноша будет меня целовать. Да и кто может сравниться с отцом Александром? На его фоне все мужчины казались никчемными и меркли.

От отца Александра после той унижительной записки больше не было никаких вестей. Он не писал и не звонил. Я тоже не писала и не звонила, хотя стоило это мне героических усилий. Много раз за эти годы моя рука, предательски дрожа, тянулась к телефону, чтобы набрать его номер. Но в последний момент разум приказывал мне остановиться. Нельзя! Умом я все очень хорошо понимала. Я знала, что если бы он хотел, то обязательно дал бы о себе знать. Если бы он так же страдал без меня, как я без него, он бы позвонил. Но он молчал. И я не смела вторгаться на его территорию, в его судьбу.

Когда я уже окончательно смирилась с тем, что он больше не появится в моей жизни, с вахты мне крикнули: «Тебя к телефону!» Я нехотя подошла к аппарату. Я никого не ждала.

– Алле, – равнодушно произнесла я.

– Здравствуй, милая моя девочка! – раздался в трубке голос отца Александра.

Я молчала. Странно, у меня не было никаких эмоций. Я не обрадовалась, не удивилась. Не было ни злости, ни обиды, ни радости. Не было ничего, кроме пустоты и безразличия.

– Алле! Ты меня слышишь? – гремел его бас. – Я сегодня выезжаю к тебе, поездом. Слышишь меня? Алле!

– Сегодня выезжаю поездом к тебе! – глядя в одну точку, повторила я.

– Ну, все! До встречи! – И он отключился.

Зачем он едет? Что ему опять от меня нужно? Ведь я только успокоилась, только научилась жить без него, дышать без него. И он, тут как тут, неизвестно зачем появляется на моем пути.

Конечно же, я его ждала. На смену пустоте и безразличию пришло волнительное предвкушение. В общезнании я сказала, что ко мне едет дядя, чтобы не было лишних вопросов.

Часы перед встречей тянулись мучительно долго. Я ходила по своей маленькой, но уютной комнатухе, нервно поглядывая на себя в зеркало.

И вот долгожданный стук в дверь. Мне показалось, что это рухнуло мое сердце. Дрожащей рукой я с силой дернула ручку, и дверь послушно открылась. На пороге стоял отец Александр, которого я знала четыре года назад. Он нисколько не изменился. Мы смотрели друг на друга. Как будто и не было расставания, как будто и не было той подлой записки. Но в памяти настойчиво билась мысль о предательстве отца Александра, и я вмиг поняла, что уже не смогу относиться к нему так, как прежде. Слишком много претензий и горечи засело в моем сердце. И они затмили все те светлые чувства, которые я когда-то к нему испытывала.

– Здравсьте! – язвительно заговорила я.

– Здравствуй, моя хорошая! – Он перешагнул через порог и нежно обнял меня, отчего меня просто захлестнула обида за все унижения, которые я вытерпела по его милости.

Мы прошли в комнату. Повисла тягостная пауза. Он сел на кровать и ласково посмотрел на меня. Меня распирало от злости, но лицо горело по совсем другой причине.

– Сними с моей шеи крестик! – тихо, но твердо сказал отец Александр.

Повинуясь, я приблизилась и трясущимися руками коснулась его горячей шеи. Меня окатило волной возбуждения. Стало невыносимо жарко. Я тяжело дышала. Подавленная нежность и желание пробивались наружу. Я злилась на себя за свою слабость, но чувства были сильнее меня. Я села к нему на колени, обняла за шею и зарылась своим лицом в его густых кудряшках. Слезы, силой удерживаемые мной, рвались наружу. И не справившись с нахлынувшими эмоциями, я разрыдалась, как маленькая девочка, на его мощном плече. Он молча гладил меня по голове, слегка покачивая, до тех пор пока я не выбилась из сил и не затихла. Мне стало легко и хорошо. Слезы вытащили из меня накопившуюся боль. Я сидела на коленях у человека, которого когда-то любила. Любила и теперь. Но защитный барьер, который я возвела за эти годы, не давал мне раскрыться. Я не могла полностью расслабиться, поскольку больше не верила ему. Он пал в моих глазах. Из-за него я ненавидела всех священников. Благодаря ему я больше не ходила в церковь. И именно по его милости мое сердце узнало боль и отчаяние первой любви.

Отец Александр был со мной ровно сутки. Мы болтали с ним на разные темы, как две близкие подружки. Он рассказал, что ту позорную записку его якобы заставила написать жена. Что ей попались на глаза мои письма. Но я почему-то не верила этому. Мне не давало покоя ощущение, что я кукла-марионетка в его спектакле жизни. Ему нравилось держать меня на веревочке, то ослабляя ее, то натягивая до предела.

– Ага! Жена заставила! – передразнила я его. – А ты сам-то способен принимать решения и брать на себя ответственность или как?

Он опустил глаза и слегка покраснел. Ему было неловко. Ничего не ответив, он закурил. Он много курил и литрами пил крепкий черный кофе. Я смеялась над ним: святой отец – и с сигаретой в руках! Он улыбнулся, подошел близко-близко и притянул меня к себе, намереваясь поцеловать. Я отшатнулась от него, как от огня:

– Я тебе не кукла!

Он отвернулся к окну и тихо сказал:

– Прости меня.

– Да иди ты со своим прощением, преподобный отец! – задыхаясь от злости, выпалила я.

Впрочем, хорошие моменты в нашей с ним встрече тоже были. Я с интересом его расспрашивала, как ему служится на новом месте, нравится ли.

– А вот когда люди исповедуются, они сами начинают рассказывать тебе о грехах? – интересовалась я.

– Кто как. Некоторые сами. Кто подходит и молчит, того спрашиваю я, стараясь разговорить, – охотно объяснял отец Александр. – Знаешь, бывают такие грехи, о которых очень тяжело заговорить!

– Знаю! – невесело ответила я.

Я не рассказала ему, что была у священника, не рассказала, как этот священник отругал меня за отношения со святым лицом. Не призналась я ему и в том, что теперь ненавижу всех священников, вместе взятых. И его в том числе! Что во мне наряду с безумной и сумасшедшей любовью к нему живет лютая ненависть. Я не могла понять, чего во мне больше: любви? ненависти? Или того и другого поровну? Меня одновременно и тянуло к нему, и отталкивало.

Перед отъездом он сделал еще одну попытку добиться близости: его рука, погладив меня по голове, опустилась на мою грудь.

– Отстань! – с силой оттолкнула я его. – Я не хочу! – и, закрыв лицо от неловкости и стыда, отвернулась к стене.

Прощались мы рассеянно и холодно. Было неловко. Мне – за то, что я слишком строго и вызывающе себя вела, ему – за то, что позволял себе слишком много вольностей. Мы стояли перед зданием железнодорожного вокзала, и он нервно курил.

– Ты не жалеешь, что приехал ко мне? – вдруг спросила я.

– Нет! – коротко ответил он и отвернулся.

Я уткнулась в его плечо. Он обнял меня своими мощными руками. И мы замерли в ожидании поезда.

– Прости меня, пожалуйста, отец Александр! – с грустью в голосе произнесла я. – Я вела себя как дура!

– Ну что ты, глупенькая. Разве могу я на тебя обижаться? Ты ведь мой самый дорогой и близкий человек.

– Я не могу без тебя! – вдруг выдала я.

Он помолчал, поежился.

– Помнишь, ты мне читала стихи?

Я кивнула. Любовь к стихам у меня была с детства. Как-то после очередной службы мы шли с ним на остановку. Я сказала, что обожаю поэзию, и он попросил что-нибудь прочесть. И сейчас тем же голосом, с той же интонацией:

– Прочти, пожалуйста, то стихотворение.

Не ломаясь, я начала читать среди шумной разношерстной вокзальной толпы:

В том городе, не верящем слезам,
Есть женщина. Она слезам не верит.
Она тебя спокойным взглядом смерит:
Сам полюбил – расплачивайся сам!

Та женщина все в прошлое глядит,
Оно ей крепко крылья изломало.
Что сделаешь? Ее щадили мало.
Так и она тебя не пощадит!

– Не пощадит! – глухо повторил отец Александр.

– Посадку объявляют, – рассеянно произнесла я.

На перроне мы как-то неумело прижались друг к другу, не зная, что сказать. Я отворачивалась, делая вид, что разглядываю толпу, спешащую к вагону, а на самом деле прятала слезы, беспощадно душившие меня. Что-то говорило мне, что мы прощаемся надолго, может, навсегда. Я теряла отца Александра. И даже зная, что мне необходимо его потерять, забыть,

вычеркнуть разом из своей жизни, я не могла унять боль разлуки. Сердце рвалось на части. Он стоит, курит, смотрит вдаль. О чем он сейчас думает? Что с ним происходит? Он молчит, и я не смею нарушить его сурового молчания. Кто придумал эти проводы-проводжания? Это же настоящая пытка! Время, как назло, тянется медленно. Кажется, оно остановилось, застыло на месте. Когда же уже отправление?

– Ты мне напишешь? – спрашиваю я, зная заранее ответ.

– Конечно напишу.

Врет! Но как красиво и трогательно. Ведь не будет никакого письма. Я знаю. И он тоже знает. Он тоже решил меня забыть, потерять, вычеркнуть раз и навсегда из своей жизни.

Сейчас хлопнет дверь вагона, и все закончится. Грешная любовь, неожиданная встреча – все канет в Лету. Как будто бы и не было этих лет!

– Ты у меня самая замечательная, – говорит отец Александр, запрыгивая в вагон. – Я позвоню, – кричит он, стремительно отдаляясь от меня.

Я киваю, из последних сил сдерживая слезы. Поезд превращается в маленькую точку, а потом и вовсе исчезает. Дует сильный ветер, заметая следы отца Александра и следы грязного прошлого. Я облегченно вздыхаю. Пусть уезжает. Пусть уезжает далеко. Пусть уезжает из моей жизни. Пусть.

22

После отъезда отца Александра началась новая страница моей жизни. В скором времени я окончила училище и уехала учительствовать в рабочий поселок. В школе, куда я устроилась работать, обитали в основном педагоги маразматического пенсионного возраста. И тут появилась я – жизнерадостная девочка-припевочка. Маленькая, худенькая, с серыми глазами в пол-лица, я оказалась белой вороной. Особенно меня невзлюбила Нина Павловна Князева, преподаватель русского языка и литературы. Она не страдала интеллектом, у нее были проблемы с речью, и писала она... с ошибками! Меня это поражало до глубины души. Чему может научить учительница, пишущая с ошибками и ставящая неправильные ударения в словах? Я всегда любила русский язык и неплохо в нем разбиралась, поэтому все промашки Нины Павловны замечала. Конечно, я этого не озвучивала, но она каким-то задним чутьем это чувствовала и люто меня ненавидела.

Потом начались проблемы с детьми. В мой класс врывались тридцать человек маленьких бандитов, и я должна была с ними что-то делать. Что можно делать на уроках музыки в школе? Да все что угодно! Испокон веков про уроки музыки, как там деточки ходят по партам, легенды ходят! Музыку никто и никогда за предмет не считал. И мне, к сожалению, не удалось в этом переубедить ни детей, ни педагогов. Оглядываясь впоследствии, я с ужасом вспоминала свои уроки. С младшими классами я еще как-то находила общий язык, старалась сделать свои уроки увлекательными за счет игровой формы. Иногда получалось очень даже неплохо. Я радовалась своим маленьким победам и достижениям. Но когда на пороге появлялись седьмые-восьмые классы, всем моим стараниям приходил конец. На мои просьбы спеть фрагмент из какой-нибудь песни они квакали или мычали. Когда я включала музыкальное произведение для прослушивания, вскакивали и бегали по партам. Особенно мне запомнился Петя Федорцов из седьмого «В». Он заходил в класс как король. Его все боялись, включая учителей. Меня он каждый раз окидывал ехидным взглядом и с довольной усмешкой говорил:

– Ну что, училка, споемся?

Меня воротило от этой пошлости и наглости. Но что я могла? Федорцов вел себя так развязно не только на моих уроках, а везде и со всеми. Когда классный руководитель Федорцова Елена Викторовна взялась за его воспитание: оставляла заниматься после уроков, проводила профилактические беседы и периодически вызывала родителей в школу, – домой она шла только в сопровождении мужа, которой каждый вечер, ровно в семь, появлялся в школьном

дворе. Федорцов угрожал убить ее, а заодно и директора, Контрабаскину Лидию Яковлевну, тучную даму бальзаковского возраста. Что было говорить о моих скромных и никому не нужных уроках музыки. Я даже не пыталась воздействовать на этого подрастающего бандита, терроризировавшего всю школу. Старалась не обращать на него внимания, хотя это было практически невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.